

ЛИНГВОПРАВОВЫЕ МАРКЕРЫ ЭКСПЛИКАЦИИ УГРОЗЫ

Угроза как противоправное деяние, ответственность за которое регулируется Уголовным Кодексом, до сих пор не получила терминологического разъяснения в законодательной базе, хотя включена в ряд соответствующих статей: угроза совершением акта терроризма (ст. 290), угроза опасным использованием радиоактивных материалов (ст. 324), угроза в отношении судьи или народного заседателя (ст. 389), угроза начальнику (ст. 442) и др. Такое положение дел характерно не только для белорусского, но и для российского права. Особую актуальность для лингвоэкспертной практики имеет ст. 186 УК, которая определяет в качестве правонарушения «угрозу убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества общеопасным способом, если имелись основания опасаться ее осуществления», т. к. зачастую назначение специальных судебных исследований инициируется именно в рамках расследования происшествий, инкриминирующихся данной правовой нормой. Однако очевидно, что в компетенцию судебной лингвистической экспертологии входит изучение любых речевых материалов, относящихся к указанным преступлениям, а диспозиции самих уголовных статей отличаются только видом противоправной деятельности, которую потенциально имплементирует угроза.

Угроза идентифицируется не только как отдельное правонарушение. Данный тип деяния входит в состав ряда других преступлений (разбой (ст. 207), принуждение свидетеля, потерпевшего или эксперта к отказу от дачи показаний или заключения либо к даче ложных показаний или заключения (ст. 404)). Имеющиеся комментарии и процессуальная практика в отношении правонарушений, включающих компонент совершения угрозы, представляются значимыми и для ст. 186 УК, т. к. позволяют уточнить юридическое содержание обсуждаемой категории. Так, в Постановлении Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 24.03.2005 г. № 1 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве» угроза характеризуется и как компонент хулиганства: «Судам надлежит учитывать, что хулиганством, влекущим ответственность по ч. 1 ст. 339 УК, признаются такие умышленные действия, которые не только грубо нарушают общественный порядок и

выражают явное неуважение к обществу, но и сопровождаются применением насилия или угрозой его применения либо уничтожением или повреждением чужого имущества». В обозначенном решении высшей судебной инстанции обнаруживается и определение понятия *угроза применения насилия* – «это выраженное словесно или в форме определенных жестов намерение применить физическое насилие». Схожее понимание феномена угрозы обнаруживается и в другом Постановлении от 27.09.2012 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы» (ст. 166–170 УК): «Под угрозой применения насилия понимается выраженное в конкретных словах, жестах, действиях либо в другой форме очевидное для потерпевшей (потерпевшего) намерение обвиняемого причинить вред здоровью или жизни потерпевшего лица (близких потерпевшей по делам об изнасиловании)». Таким образом, для понятия угрозы в праве «не выделяются разные значения» [4, с. 1194], в терминологическом смысле оно синонимично категориям намеренности, обещания причинить вред, т. е. имеет общезыковую семантику: «Угроза – в праве словесно, письменно или другим способом выраженное намерение нанести физический, материальный или иной вред какому-либо лицу или общественным интересам; один из видов психического насилия над человеком» [7, с. 731].

Важным отличием угрозы от других преступлений, совершаемых вербальным способом, является вопрос о границах исследовательского внимания специалиста. В отличие, например, от оскорбления, где практически все обстоятельства коммуникативного взаимодействия включены в область экспертного анализа, правовая идентификация угрозы содержит внелингвистические компоненты, находящиеся за пределами компетенции судебного эксперта. Это касается статусного положения субъектов общения и потенциальных условий выполнения содержания злонамеренного деяния. Оба компонента подлежат следственной и/или судебной оценкам.

Статусное положение субъектов речевого акта угрозы, или фактор субъекта (по М. А. Осадчему) [5, с. 168], учитывает линейность коммуникативного взаимодействия. В случае, если конфликтующие находятся в равноценных позициях по отношению к выполнению содержания угрозы (осуществляется так называемая горизонтальная конфликтная ситуация), с правовой точки зрения, отсутствуют основания считать одного из субъектов виновным лицом. Например, в диалоге – *Я тебе сегодня же дом сожгу! – Еще посмотрим, кто быстрее успеет!* оба коммуниканта высказывают намерение повредить имущества друг друга. Смоделируем еще одну ситуацию: *Во время драки между А и Б первый выкрикнул: «Сейчас я тебе хребет переломаю!»*. Очевидно, что несмотря на наличие вербальной угрозы со стороны А, оба участника инцидента реализуют намерение причинить друг другу вред с той лишь разницей, что один из них вербально озвучил свою угрозу.

Изучение потенциальных условий выполнения содержания угрозы также относится к юридическим аспектам оценки признаков правонарушения. Речь идет об актуализации компетенций следственных и судебных органов по установлению такого квалификационного признака, как наличие у виновного реальной возможности выполнить угрозу.

В лингвистической теории выделяют различные виды речевого акта угрозы (например, угроза-предупреждение, угроза-понуждение, угроза-наказание и др.). Дифференцирующим признаком типологии вербальной угрозы чаще всего выступает ее иллокутивная составляющая. Однако значимость такой классификации жанра сомнительна для лингвистической экспертологии. Во-первых, для процессуально-следственной и судебной практики нет принципиальной разницы, какой тип коммуникативной угрозы был совершен: *Я тебе лично все зубы выбью за то, что ты подошел к моей дочери* (угроза-наказание), *Я тебе лично все зубы выбью, если ты подойдешь к моей дочери* (угроза-предупреждение), *Я тебе лично все зубы выбью, если ты не отойдешь от моей дочери* (угроза-понуждение) и т. д. Во-вторых, для идентификации угрозы как юридически наказуемого речевого акта одной прагмалингвистической характеристики текста недостаточно, т. к. очевидными компонентами указания на намерения нанести вред являются способ совершения действия, адресная направленность и др. Именно поэтому более значимым является вопрос не внутри-, а межжанровой дифференциации угрозы, которая по своим генристическим характеристикам приближена к обещанию и проклятию.

Согласно Дж. Р. Серлю, угроза – это антиобещание [6, с. 153]. Деятельностная составляющая обещания, в отличие от угрозы, выгодна для слушающего [5, с. 166], хотя также имплементируется чаще всего такими лексическими единицами, как *зарекаюсь, обязываться, давать слово* и др. Сравним: *Я тебе обещаю, что сверну ему шею за свою дочь* и *Я тебе обещаю, что сверну шею за свою дочь*.

Иллокутивный компонент проклятия не содержит реального намерения адресанта нанести вред адресанту: в обыденном понимании это «способ выражения сильного недовольства, возмущение кем-либо, чем-либо, брани» [1]. В современной разговорной речи проклятие редко встречается в своем чистом виде, чаще сочетаясь с субжанром инвективы. Для языковой реализации проклятия характерны императивные глагольные призывы (*Пусть тебя Бог покарает! Чтоб тебе дети родные воды в старости не поднесли!*), в том числе бессубъектные (*Будь ты проклят! Чтоб у тебя все сгорело!*).

В практике проведения судебной лингвистической экспертизы текста существует несколько подходов к определению признаков совершения угрозы. Так, К. И. Бринёв исходит из необходимости исследования пяти компонентов структуры речевого акта: а) *Думаю, что ты не хочешь, чтобы я сделал тебе ничего плохого*; б) *Думаю, что ты знаешь, что я могу сделать тебе нечто плохое*; в) *Хочу, чтобы ты знал, если ты сделаешь X, то я тебе сделаю нечто плохое*; г) *Говорю: если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое*; д) *Говорю это для того, чтобы ты делал X* [3, с. 220–221].

Представленный вариант понимания диспозиции угрозы, с нашей точки зрения, недостаточно актуален для процедуры проведения лингвоправового анализа. Во-первых, согласно ст. 166 Уголовно-процессуального Кодекса основанием для возбуждения уголовного преследования может быть не только заявление гражданина, но и сообщение должностных лиц государственных органов, иных организаций; сообщение о преступлении в средствах массовой информации; непосредственное обнаружение органом уголовного преследования сведений, указывающих на признаки преступления. То есть лицо, в отношении которого высказывается угроза, может и не быть непосредственным адресатом конфликтогенного речевого акта. Следовательно, такие позиции, как «ты знаешь», «ты не хочешь», «ты знал» факультативны как квалификационные параметры: например, *Я ему ничего не говорил и не буду предупреждать – сломаю нос, чтобы сам догадался, как нужно себя вести*. Во-вторых, структурные компоненты содержат выражение субъективно-мыслительной деятельности – «думаю», которое в судебной экспертологии рассматривается как синонимичное к «наверное», «возможно», «вероятно» и т. д., т. е. не может быть объектом юридического контроля. В-третьих, эксперт-лингвист старается избегать оценки категорий, содержащих характеристику «хороший/плохой», что связано с вопросами исследовательской методологии.

Ученый А. Н. Баранов считает, что экспертная работа по установлению признаков угрозы должна строиться на семантическом анализе речевого высказывания и включать семь аспектов: 1) установление типа вербальной угрозы (наказание, предупреждение, побуждение); 2) определение уровня имплицитности семантики, выражающей намерение; 3) анализ коммуникативной ситуации – выявление адресата; 4) установление актуального значения угрозы; 5) исследование экстралингвистического компонента потенциальной возможности говорящего контролировать выполнение санкции; 6) систематизация высказываний, содержащих семантику угрозы («угроза может выражаться в одном речевом акте или нескольких последовательно следующих друг за другом речевых актах»); 7) изучение дискурсивных перспектив угрозы («угроза-наказание непосредственно переходит в конфликт <...> угроза-предупреждение, наоборот, может вести к урегулированию конфликта <...>») [2].

При несомненно глубокой детализации характеристик речевого акта угрозы следует отметить, что представленный подход может достаточно успешно использоваться в коммуникативной лингвистике и теории жанров, но имеет недостатки для проведения экспертизы текста. Во-первых, проблемными для указанных аспектов будут вопросы методологического инструментария: исследовательское поле угрозы очевидно выходит за рамки изучения семантики речевого высказывания. Во-вторых, оценка ряда представленных характеристик не требует вмешательства со стороны лингвистической экспертологии. Например, установление возможности говорящим контролировать санкции, очевидно, является профессиональной ответствен-

ностью следственных и судебных инстанций. А определение типа угрозы традиционно не включается в перечень вопросов, ставящихся на разрешение эксперта. В юридической интерпретации важен сам факт наличия намерения нанести адресату потенциальный вред. Указания на условия осуществления угрозы рассматриваются только как обстоятельства (см. выше) и учитываются при вынесении процессуального или судебного решения. Рассмотрим два примера: высказывание *Я тебя застрелю, если ты перейдешь границу охраняемой зоны* и *Я вынужден буду в тебя стрелять, если ты перейдешь границу охраняемой зоны* можно идентифицировать как угрозу-предупреждение. Оба речевых акта содержат а) высказывание о намерении совершить физическое насилие в отношении адресата и б) условие, при котором это намерение потенциально реализуется. В область исследовательских задач эксперта-лингвиста и в первом, и во втором случае будут включены вопросы, касающиеся только обозначенного компонента *а*. Поставленные адресантом условия подвергаются юридической оценке и не требуют лингвоправовой интерпретации. Дело в том, что *б* может вытекать из диспозиции иной правовой нормы, т. е. быть юридически санкционированным разрешением реализации *а*. Иными словами, *а* – законно, если *б* это разрешает.

Дискурсивные перспективы конфликтогенной характеристики угрозы (возможности примирения коммуникантов или усугубление речевого противостояния) также относятся к процессуально и судебно значимым аспектам ее правовой оценки и не подвергаются лингвоправовому анализу.

Исходя из обозначенных выше диспозиции статей Уголовного кодекса и словарной дефиниции, можно сформулировать следующие актуальные для судебного лингвистического исследования характеристики угрозы: *адресант* (1) *выражает намерение* (2) *лично или через третьих лиц* (3) *совершить противоправное деяние* (4) *в отношении какого-либо лица* (5). Таким образом, определены конститутивные признаки угрозы: 1) субъектный состав; 2) темпоральная маркированность; 3) субъектная принадлежность действия; 4) тип действия и 5) адресованность действия объекту. Данные признаки являют собой параметры, подлежащие судебному лингвистическому изучению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балова, И. М. Речевой акт проклятия в практике проведения психолого-лингвистической экспертизы текста / И. М. Балова, Л. А. Будаева, Г. Е. Щербань // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : сб. материалов конф., 2018. – URL: <http://www.ling-expert.ru/conference/lang-law8/balowa-budaewa-scherban.html> (дата обращения: 18.04.2022).

2. Баранов, А. Н. Феномен угрозы в лингвистической теории и экспертной практике / А. Н. Баранов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2014. – № 4 (36). – С. 139–147.

3. *Бринев, К. И.* Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза / К. И. Бринев ; под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : АлтГПА, 2009. – 252 с.

4. *Гловинская, М. Я.* Угрожать, пригрозить, грозить, грозиться / М. Я. Гловинская // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Школа «Языки славянской культуры». – С. 1190–1194.

5. *Осадчий, М. А.* Русский язык на грани права: функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи / М. А. Осадчий. – М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 256 с.

6. *Серль, Дж. Р.* Что такое речевой акт. Новое в зарубежной лингвистике / Дж. Серль. – 1986 – С. 151–169.

7. *Сухарев, А. Я.* Большой юридический словарь / А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских. – М. : Инфра-М, 2003. – 1235 с.